

Леонид Николаевич МАРТЫНОВ

Советская литература понесла тяжелую утрату — на 76-м году жизни умер выдающийся русский поэт Леонид Николаевич Мартынов.

С первых шагов в литературе — с начала двадцатых годов — Леонид Мартынов связал свою судьбу с революцией, со строительством новой культуры, развернувшейся на просторах Сибири, где поэт начинал свой творческий путь.

Более чем за полвека неутомимой подвижнической деятельности Леонид Мартынов создал целую библиотеку книг в самых различных жанрах — в поэзии, критике, мемуарной прозе, публицистике, в художественном переводе. Многие из них стали крупными событиями культуры, завоевали заслуженную любовь читателей в нашей стране и за ее пределами. За сборник стихотворений «Первородство» Леониду Мартынову было присуждено звание лауреата Государственной премии РСФСР, а за кни-

гу «Гиперболы» он был удостоен Государственной премии СССР.

Подлинный лирик, глубокий философ, неутомимый труженик, Леонид Мартынов всю свою яркую жизнь посвятил нашему времени, его рево-

люционным преобразованиям, раздумьям о смысле бытия, о нравственных достоинствах человека нового мира. Во всех его книгах запечатлены идеи советского патриотизма, интернационализма и социалистического гуманизма.

За свою многолетнюю творческую и гражданскую деятельность Леонид Мартынов был награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и многими медалями, а также орденами Венгерской Народной Республики. До последнего времени он являлся членом правлений Союза писателей СССР и Московской писательской организации.

Имя Леонида Мартынова, его замечательные книги, пафос его подлинно новаторского творчества навсегда останутся в нашей памяти.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ
МОСКОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ОГРОМНАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ СУДЬБА

Умер Леонид Мартынов. Умер человек, который родился поэтом, был им с детства, был им всю жизнь, до последнего дня, который не был и не мог быть никем больше — только поэтом.

Огромная поэтическая судьба — шестьдесят лет стихосложения! Вскоре выйдет из печати сборник стихов «Ранний Мартынов», ранний — это четырнадцати-пятнадцатилетний мальчик, и это зрелые стихи.

Вскоре же мы прочитаем самого позднего Мартынова, стихи, написанные на семьдесят шестом году жизни, за несколько дней до кончины, и это опять-таки живая и молодая поэзия.

Но не в хронологии дело, истинная поэзия живет не «от» и «до», ее границы установить трудно, иной раз невозможно, и вот Мартынов умел подчинять своему таланту и далекую историю, и современность, и будущее. Исключительный мастер исторической поэмы, он обладал необыкновенной чуткостью к самым различным проявлениям новейшего времени, и мысли этого времени и его самосознанию, к его краскам и звукам, к его судьбам и открытиям.

Там, где Мартынов историк, — там он и фольклорист, импровизатор, и знаток народной речи прошлого, речи сибирской прежде всего, там он исследователь и архивариус; там, где он современен, — он ученый, эрудит, философ, техник, а-временами, может быть,

и «технарь», он физик, астроном и космонавт.

И там, и здесь он русский советский поэт, он — это новая страница русской поэзии, такая страница, которой не было никогда прежде, которая вряд ли когда-нибудь повторится.

Потому что — зачем? Задача поэзии Мартынова исполнена им самим, и повторение и даже варьирование его интонации, манеры и приема тотчас обернутся эпигонством.

Другое дело — продолжить эту манеру, создать для нее «дальше». Тут поэтам предстоит задумываться и мучаться.

Таков он был, Мартынов: его голос не так уж трудно было слышать в творчестве многих современных поэтов, гораздо труднее распознать чьи-то голоса в его собственной поэзии. Некое проявление поэзии произошло только в нем, вот оно — отчетливо видимое, но теперь, когда Мартынова не стало, надо удерживать это проявление в руках.

Секрет, наверное, в том, что все в этом человеке было поэтическим — и слух, и зрение, и осязание, и чувство, и мысль. По-своему, по-мартыновски, это был совершенный инструмент восприятия мира.

Поэзия всегда требовала от своего читателя, чтобы он обладал эстетическим чувством, Мартынову этого было недостаточно, и вот он требовал от нас более зоркого зрения даже и в самом обыкновенном, в натуральном смысле

слова и в том же смысле более тонкого слуха, а вслед за тем и более утонченной мысли и мышления, более разнообразного и острого восприятия окружающего мира.

Не одно поколение читателей ощутило на себе эту требовательность, не одно благодарно ему за нее, за тот вклад, который он внес в нашу духовную жизнь, в усовершенствование наших органов чувств, нашей мысли.

Да, это был удивительный инструмент, совершенный во всем, кроме одного: это был человек, человеческий организм, ранимый, застенчивый и недогнанный.

Шестьдесят лет стихосложения — разве это много в сравнении с той работой, которую производят Природа и человеческая История, создавая поэта?

И по сравнению с теми чувствами, которые поэту дано было пережить, с теми знаниями, которые ему дано было усвоить, с теми мыслями, которыми он дал собственное обозначение, — это очень малый срок...

С теми домыслами, которыми жил поэт, — еще меньше.

В храм истины вымысел смело стучится...

Да, это и не срок, это лишь готовность к сроку подлинно справедливому.

Ее-то, все ту же готовность к жизни более протяженной в пространстве и времени, обладающей тонко развитым слухом, зрением, осязанием, более точной и смелой мыслью и домыслом, оставил нам поэт.

И сколько мы, его читатели, будем жить, столько же он и будет нас сопровождать.

Сергей ЗАЛЫГИН

КАЖДЫЙ ЧАС НА ЗЕМЛЕ— ЭТО ЧАС ТВОЕГО ТОРЖЕСТВА

Вижу бессмертье Леонида Мартынова в его предвоенных поэмах и не верю в его смерть. Это и о нем сказал Т. Табидзе: «Не я пишу стихи. Они, как повесть, пишут меня, и жизни ход сопровождает их». Леонид Мартынов не писал стихи: как океанский прилив и отлив, постоянно звучали в нем они, и он едва успевал заносить их на бумагу.

Леонид Мартынов воскресил русский эпос с таким мощным и безмерным звучанием, что оно не смолкнет никогда. Все было у него свое, незаемное, неповторимое: ритм, незнакомый доселе, в строго классических, традици-

онных размерах; кроткая, покорная, как бы безвольная рифма — согласие звуков естественное и непринужденное; странное и напизное видение мира, действительно странное и напизное, но при этом наиточнейшее.

Мартынов был русский самородок. Как Платонов и Заболоцкий. Он перебивал свой эпос лирическим стихом редкой поэтической пронзительности. Вот одно из его стихотворений, сказанное навеки, — «Любовь»:

Ты жива,
Ты жива!
Не сожгли тебя пламень и лава,

Не засыпало пеплом,
а только задело едва.
Ты жива,
Как трава,
Увядать не имевшая права.
Будешь ты и в снегах
Зелена и поздней Покрова.

И еще над могилкой моей
Ты взойдешь,
как посмертная слава.
И не будет меня —
Ты останешься вечно жива.
Говори не слова,
А в ответ лишь кивай
величаво —
Улыбнись и кивни,
Чтоб замолкла пустая молва.

Ты жива,
Ты права,
Ты отрада моя и отрава.
Каждый час на земле —
Это час твоего торжества!

Александр МЕЖИРОВ

ХРАНИТЕЛЬ ОГНЯ

Ушел самый крупный поэт. Напиши он только одно «Лукоморье» или «Прохожнего», он и тогда был бы поэтом высочайшей барнакской пробы.

Вы встречали — По городу бродит прохожий, Вероятно, приезжий, на нас непохожий?..

Да! Имел я такую волшебную флейту, За миллионы рублей ту я не продал бы флейту...

Но, друзья, торопитесь, — я скоро уеду!..

Чудо пребывания поэта на земле, увы, недолговечно. Мы мало прислушивались к его флейте, мало успели сказать ему.

Меньшой брат Державина, Баратынского и Хлебникова, товарищ Заболоцкий, он пел о нашем существовании, о днях НТР торжественным слогом «Слова о полку Игореве».

Хранитель огня, пустынный XX века, далекий от литсуэты, он уединялся в свою крупно-

блочную пещеру, окруженный собраниями древних камней и флиантов. В нем отставало время. Сам похожий на седой, обветренный валун, он закрывал глаза и часами просиживал в углу протертого исторического дивана. Там, полуприкрыв веки, он бормотал свои колдовские строки — весь слух, весь наедине с веком.

Но чем больше он углублялся в себя, тем непримиримее вторгался в сегодняшние бури.

Бессребреник, он был рожден для поэзии и жил ею, самостью ее. Он мыслил рифмой. Как-то ему заказали статью. Так он сначала написал стихи на эту тему, а потом переложил написанное в прозу. Иначе он не мог.

Мартынов своим присутствием ограждал поэзию от банальщины. Страшно ранимый, он по-мужски скрывал это — характер имел непреклонный.

Жизнь была сурова и нему — он же платил ей бессмертными стихами. Он располагал стихи свои на бумаге подобно

самородкам свободной формы, уральским самоцветам или кускам породы с прожилками прозрений. Как сказал он о Есенине — «даже неудачи его гораздо плодотворнее, чем удачи посредственности».

На всем дано было понять его, но начиная с зеленой свежей книжки 1957 года он был вздохом понят, заучен наизусть нашим трудным читателем, новой «миллионной элитой». Им жили.

Мартынова можно читать наизусть до утра — а это единственная мера подлинности поэта. Живут стихи. Мы больше не услышим его флейты — но осталась запись.

...Вы ночевали на цветочных клумбах?..

...Из смиренья не пишущих стихотворенья...

...Солнце, радость ты моя...

...Человечеству хочется песен...

...Но, друзья, торопитесь, — я скоро уеду!..

Он умер в тяжелый для сердца год взбесившегося активного солнца. Российская муза плачет по Леониду Мартынову.

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ